

Под серым небом ...

The illustration is a hand-drawn scene. The sky is a pale, greyish-white, filled with horizontal, wavy lines that suggest a heavy, overcast atmosphere. A jagged, dark line separates the sky from the land below. In the middle ground, a row of tall, thin trees with sparse green foliage stands against the sky. In the foreground, a wooden structure, possibly a fence or a small building, is partially visible, rendered with dark, expressive lines. The ground is covered in dense, vertical strokes of green and brown, representing grass and earth. The overall style is sketchy and expressive, with a focus on texture and light.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А. Гончаров

18+

Алексей Гончаров

Под серым небом ... войны

«Автор»

2024

Гончаров А.

Под серым небом ... войны / А. Гончаров — «Автор», 2024

В данном произведение, через призму восприятия молодого лейтенанта, который только что попал на фронт, в условия боевых действия, описаны события произошедшие на одном из участков линии соприкосновения в условиях проходящей Специальной военной операции. События изложены в хронологии, и доступным языком. Здесь нет натужной героики, нет пафоса, вы не найдёте в тексте засилье штампов. Все что описано, с некоторыми изменениями(имен и позывных)-события произошедшие на самом деле. Война-это грязь, пот, кровь и слезы родных и близких. Если ты готов прочесть такое-дерзай. Текст натуралистичен и реалистичен.

© Гончаров А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Гончаров

Под серым небом ... войны

Он открыл слипшиеся от крови глаза. Буря жидкость спеклась и превратилась в корку на ресницах. Подняв руку, он попытался протереть веки. Проводя пальцами по щекам и щетине, он чувствовал, как они цепляются за скатавшуюся кровь, и она осыпается крошкой.

Он лежал на спине. Бушлат был весь сырой, бронезилет пах гарью и резиной, местами прожжённая ткань чехла ещё дымилась. Тонкий, густой, словно сигаретный дым медленно поднимался от отверстий, оставленных на грудной пластине брони пулями и осколками. Куски кевларового материала и мелкие осколки бронеплиты торчали, похожие на распустившиеся бутоны красно-чёрных хризантем. Дымок от мест попаданий поднимался всё выше, но его каждый раз сносило порывами ветра.

Опустив глаза, боец увидел, что левую руку выше локтя перетягивал розовый жгут Эсмарха. Правая нога не чувствовалась, приглядевшись, он понял, что там тоже что-то намотано.

Штанина давно начала сыреть и покрылась пятнами крови. От тёмно-красных, почти вишнёвых и почерневших подтёков тянуло лёгким паром. Подошва сапога была прострелена в нескольких местах, голень и ступня почти не ощущались. Он прислушался к ощущениям. Лёгкое покалывание и тянущая слабая боль. Нога слово отекала, и её одновременно свело судорогой.

Внутри черепной коробки всё гудело. Мысли путались. Перед глазами летали какие-то мелкие чёрные мошки.

С молочно-серого, совершенно матового неба вдруг начали падать капли очередного осеннего дождя. Дым из отверстий на бронезилете перестал падать.

Запрокинув голову, боец подставил лицо холодным потокам воды.

Тучи висели низко. Казалось, протяни руку и можно достать до их тяжёлого края, схватить за воздушный завиток облака.

Он вспоминал, осиливая мысль за мыслью. Перед тем, как он потерял сознание, что-то произошло.

Сознание было вязким, тягучим, словно болото.

Кажется, был бой. Да... Точно...

Он не мог понять, сколько прошло времени и, повернув голову, огляделся. Отдало болью по позвоночнику. Голова начала проясняться, кажется, что-то стало всплывать в памяти...

Глава первая

Взъерошенный дневальный выбежал в канцелярию роты и, смешно крутя глазами, просипел:

– Товарищ капитан, товарищ капитан, вас дежурный по части вызывает.

Но вдруг, встретив серьёзные взгляды нескольких офицеров, пивших тут чай, споткнулся и испуганно проговорил:

– Разрешите...

Все командиры улыбнулись, кто-то лишь губами, кто-то засмеялся в кулак, а один из них махнул рукой:

– Давай, чего уж...

Старший по званию всё же прогундосил:

– В следующий раз накажу, понял?

Солдат совсем поник. Казалось, он стал меньше размером и как-то сдулся. На него было забавно смотреть. Немного помявшись, он опять повторил:

– Товарищ капитан, там дежурный по части звонил, спрашивает, вы решение приняли? Просил передать, что врио комполка проявляет интерес. Так и сказал, передай мол, командиру, «Решение не примет, самого его отправим».

Ещё раз махнув рукой, командир роты устало пробубнил:

– Иди.

Солдат вылетел пулей.

В помещении было накурено, не помогали открытые фрамуги. На столе чай давно остыл, но его иногда потягивали, запивая горький привкус табака, что чувствовался на языке.

Разговор, шедший уже больше часа, наконец продолжился. Все, вспомнив о причине разговора, сделались вдруг серьёзными, лица окаменели, брови нахмурились.

Командир повторил вопрос:

– Кто согласен повести колонну? Наш полк в резерве, поэтому приказывать не могу. Только добровольно...

Все молчали. Никому особо не хотелось опять туда возвращаться. Наконец молодой безусый лейтенант, выпускник этого года, поднял руку, как в школе, и спросил:

– Разрешите?

Все вопросительно посмотрели на него, ротный кивнул. Лейтенант проговорил:

– Товарищ капитан. Нас здесь восемь человек: три командира взвода, замкомроты, замполит, техник, старшина и я-приданный к вам. Ну и вы как командир роты. Судить-рядить особо не получится. Двое взводников только что вышли из-за «ленты», там находились по замене, третий ка-вэ – многодетный отец, его кандидатуру не утвердят. Старшина и техник отпадают – они здесь нужны. Парк забит сгоревшей, побитой техникой. Старшине принимать пополнение из мобилизантов. Остаётся только два зама, да я. Не густо...

Командир кивал.

Он и сам давно всё это просчитал и не мог хотя бы для себя решить, кто пойдёт за «ленту».

Нахмурившись, он посмотрел в окно.

В вечерующем далеке, куда хватало глаз, раскинулись широкие поля, изредка пересекаемые посадками. Граница здесь была совсем близко, какие-то тридцать километров.

Поля в этом году не убрали, колосья из золотых стали сначала серыми, а потом и бурыми. Поэтому всё, что охватывало глаз, смотрелось довольно уныло.

Урожай пропал. Из ложбин тянуло сыростью, постепенно начал клубиться лёгкий туман.

Тучи нависли и серо-синей патокой расстилались над пашней. Где-то у линии горизонта цвет полей и вечернего неба смазывался, смешиваясь.

Стали слышны звуки винтов.

Пролетела двойка вертолётов и, разогнав туман, ушла куда-то на северо-запад.

Лейтенант, заканчивая свой монолог, произнёс:

– Давайте, я?

Капитан и все остальные подняли на него глаза. У кого-то читалось явное понимание, кто-то смотрел совсем грустно. Два комвзвода, что вернулись недавно, переглянулись и сами себе кивнули, отметив что-то. Взгляд у них был совсем отрешённый.

Командир сложил пальцы перед лицом и произнёс:

– Хорошо... Передай в строевую часть свою фамилию, пусть приказ на убытие готовят. Из числа мобилизованных подбери три экипажа на бэтээры. У тебя всего семь дней для того, чтобы их натаскать на управление техникой и вооружением. Пока технарь будет приводить боевые машинки в порядок. Колонна пойдёт большая, но пехоты не будет. Только экипажи и ты.

Капитан замолчал, но потом добавил:

– Мобилизованных тоже в приказ внеси. Чтобы по учёту прошли. Сухпай, боеприпасы, бронежилеты – дополучишь. Это без проблем.

* * *

Ночью прибыло очередное пополнение.

На пяти автобусах завезли в общем человек триста. Совершенно разношёрстная толпа, кто в чём. Были сразу приехавшие в маскхалатах или форме старого образца, были в туристической одежде: горных, рыбацких и охотничьих анораках, ну или в спортивной форме. Отдельно выделялись парни и мужики в джинсе и совершенно гражданских болоньевых куртках.

У половины не было даже элементарных спальников, из рюкзаков – старенькие советские туристические «колобки».

Полночь уже минула. Темень стояла полнейшая, воинская часть соблюдала светомаскировку: все окна были завешены одеялами или заклеены картонными листами. Близость границы повышала шанс прилёта ракеты в штаб или казармы. Пво-шники постоянно что-то обстреливали или сбивали, показывая через день новые обломки БПЛА. Но это не мешало беспилотникам висеть где-то поблизости, высматривая прорехи в обороне границы. Давно были переоборудованы казарменные подвалы под бомбоубежища. В них затащили и заложили воду, медицинские препараты, перевязочные материалы, носилки, огнетушители и песок – всё на тот случай, если по казармам всё-таки долетит. Воздушные тревоги, как реальные, так и учебные, проходили регулярно. Ракеты крупного калибра летели откуда-то из-под Хар..., Луг..., даже из глубины ...краины.

* * *

Вдоль строя прибывших в кромешной тьме бегали оставшиеся в тылу, не привлеченные к охране границы солдаты из подразделений обеспечения и штабные писаря. Они освещали человека за человеком, прямо на плацу проверяли документы, предписания и вносили в сводные временные списки. Лучи фонариков, особенно яркие сейчас, когда не хватало света Луны, вырывали из темноты чьи-то недовольные лица. Глаза шурились, слышалось шуршание бумаги и тихая ругань.

Перепись личных данных и заполнение бумаг закончились часа через два. Разместив всех по казармам, уставшие штабные офицеры ушли спать. Их сон с начала спецоперации не превышал четырёх – пяти часов в сутки.

В ночь остались шарахаться только парные патрули да военная полиция, которая проверяла все посты каждые пятнадцать – двадцать минут.

* * *

Этим утром везде суетились: необходимо было всё, что переписали ночью от руки, довести до ума, поставить людей на котловое довольствие, начать выдавать вещевое имущество и закреплять оружие.

Безусый лейтенант залетел в казарму на первый этаж в поисках старшего группы. Среди мобилизованных было много водителей категории «С». Из них надо было найти наиболее толковых, чтобы не учить с нуля, как управляться с крупногабаритной техникой.

В спальнях помещениях творился какой-то бытовой сумбур. Вещи мобилизованных были свалены в общие кучи, сами они занимались кто чем: разговаривали по мобильникам, с десяток уставились в телевизор, оставленный прежними хозяевами казармы, небольшая группа разбирала уже выданные бронежилеты и подгоняла их под себя, неподалёку, сбоку на проходе сидел кружок из дюжины человек и что-то по очереди тянул из кружки. Увидев офицерские звёздочки, они быстро спрятали кружку и, хитро поглядывая на прошедшего мимо командира, стали негромко обсуждать свежие новости.

Казарма была в плачевном состоянии. Её специально выделили под нужды переменного состава и прикомандированных. В начале лета здесь собирали ополченцев, свозимых со всей территории непризнанных республик в эту часть для формирования хоть каких-то боеспособных подразделений из их числа. Ополченцев, – вчерашних гражданских, – на скорую руку учили обращаться с оружием, тренировали, отправляли на стрельбы. Всё очень быстро, в короткие сроки.

Старых дедов и совсем молодых вчерашних студентов, бывших шахтёров и работяг с заводов города До... в краткие сроки всем премудростям военного ремесла не обучить.

Их набрали в части Народной милиции народных республик, без разбору, как они рассказали, ловили всех подряд. Многие относились с пониманием к таким экстренным мерам. Но случались явные перегибы: так, комендатура и военкомы непризнанных республик загребли на спецоперацию школьников прямо с выпускного.

Позже здесь обитали резервисты «Барсы», один из этажей занимали росгвардейцы, выделенные для охраны тыла и порядка в занятых городах.

Потом начали прибывать добровольцы.

Теперь мобилизованные.

Казарму даже не передавали от хозяина к хозяину – новые просто въезжали, когда освобождались этажи или помещения.

Бардак, глина с обуви, пыль, мелкий мусор, облупившаяся краска и разводы грязи на стенах и стёклах.

Хотя, когда здесь стояли вояки из Народной милиции непризнанных республик, они выставляли охрану казармы: патрули и дневальных. Среди командиров ополчения было много военных пенсионеров и «бывших» – из структур. Эти люди были с пониманием. Хоть видимость дисциплины поддерживать пытались.

* * *

Увидев лицо знакомого сержанта, лейтенант поспешил к нему.

Тот стоял прямо в центре прохода, окружённый толпой. Кожа лица была серой, на щеках небольшая щетина, от недосыпа под глазами залегли фиолетовые круги. Форма стала нестираная и мятая. В руках он держал кипу каких-то бумаг, в которые сосредоточенно что-то записывал, периодически переспрашивая у окружающих. Окружившие его громко галдели, перебывая друг друга.

Лейтенант махнул рукой, приветствуя его, «мятый» сержант ему ответил кивком и произнёс:

– Тут такое творится... – показав пачку листов и, прокашлявшись, продолжил. – У половины нет приписных, военные билеты оформлены как из жжж..., ну ты понял. Учётные специальности не проставлены. А ещё оружие закреплять. Надо это всё собирать и нести в штаб. Но там ещё с прошлой группой мобья не раскидались...

Офицер, оттянув его за рукав, шикнул:

– Пошли, подымим, Рус.

Тот пожал худыми плечами и вышел за молодым лейтенантом на улицу, в курилку.

Здесь было так желюдно и довольно шумно. Отойдя в сторону и угостив сержанта с позывным «Рус», офицер проговорил, затягиваясь сигаретой, спрятанной в кулак:

– Мне нужны шесть водил категории «С».

Сержант сделал затяжку и, выпустив дым, скептически уточнил:

– Тебе же поставили задачу обучить три экипажа с нуля... Чего мудришь?

Молодой лейтенант усмехнулся и проговорил:

– Зачем усложнять? Шесть водителей категории, ну ты понял, я их быстро натаскаю на вождение бэтээров, а потом всех шестерых обучу стрельбе с «тридцатки». Будут самозаменимые экипажи, а если обучить на отлично, их можно и инструкторами потом поставить.

Рус затянулся ещё раз и, присев, затушил окурочок о край бордюра, задумавшись. Выпрямившись, он потянулся и, пожевав губы, ответил:

– Знаешь, как я устал, начальник... Делай что хочешь. Ты – офицер, у тебя голова большая. Вот построю тебе всех водил, пообщайся с ними и решай. – Он неожиданно усмехнулся. – Только не забудь согласовать с Сильвестром Андреевичем. Понятно?

Лейтенант кивнул. Естественно, он бы поставил капитана Сильвестра Андреевича в известность – заместитель начальника штаба полка, как никак.

В отсутствие начштаба и комполка он был назначен временно исполняющим за всех и вся.

Офицер был толковый и принципиальный. Отстаивая свою позицию, шёл по делу на конфронтацию со старшими начальниками. И часто его позиция оказывалась верна.

Летом, когда полк захлёбывался в боях, теряя на штурмовых большое количество бойцов, он взял автомат и, выйдя на плац, сел в КамАЗ, ожидая отправки на «передок». Всех это удивило, выбежавший дежурный по полку стал просить к телефону Сильвестра Андреевича, с ним хотел срочно переговорить командир полка, вышедший по засекреченной связи на воинскую часть. Командиру очень не понравилось, что ЗНШа, временно исполняющий его обязанности в пункте постоянной дислокации, собрался рвануть зачем-то на передовую.

Не многие знали, что до этого в часть зачастили всякие странные проверки самого непонятного содержания, старавшиеся в условиях боевых действий выслужиться. Находили недостатки в экипировке солдат, сетовали на отсутствие боеприпасов: мол, командование полка не вовремя составляет заявку на них, пытались проверять отчётность по потерям.

В какой-то момент Сильвестр Андреевич не выдержал и послал очередного такого тылового «гуся» куда подальше. Тот стал угрожать и истерить. В итоге позвонили из высоких кабинетов и решили поставить на место какого-то там заместителя штаба какого-то там полка. Сначала капитан старался объяснить, что у проверяющего «гуся» полномочий не хватает – документы не оформлены. И вообще...

Но «великие начальники» заткнули ЗНШу... И их тоже послали куда подальше...

Услышав подобное, истерика началась уже у полковников из штаба округа. На вопрос «что себе позволяет Андреевич, всего лишь капитан, и не хочет ли он поехать на фронт в окопы?», ЗНШа вполне отчётливо ответил:

– Есть, будет исполнено!

После чего уехал на командный пункт полка на передовую. Там его командир части чуть пожурил, но попросил иметь немного такта и не ругаться с проверяющими. А если будут дотошные и наглые, отправлять их не по известному маршруту, а к командиру части, на «передок».

Если доедут сюда, то проверку разрешат проводить хоть в полку, хоть где.

* * *

На первом этаже выстроилась неровная шеренга бойцов разного возраста.

Колоритных среди них хватало. Одного еле-еле качало, его аккуратно поддерживали под руки. У парочки дрожали ладони, явно после проводов. Все были увешаны шевронами с самыми наиглупейшими слоганами, выдававшие в этих людях полных профанов, которые храбрились: «Нет ума – штурмуй дома», «Снаряга-то у нас есть, ума – не хватает», «Если не мы, то не мы», про отряды Боба Марли, «Безумие и отвага», «Своих не бросаем» и так далее. Всё зачем-то цветное, яркое, аляповатое. Такое видно издалека, особенно в местах, где всё должно быть серое, зелёное или коричневое.

Война не терпит насмешек над собой. Все, кто относится к боевым действиям совершенно беспечно, остаются в сырой земле. Маскировка наравне с тактикой, огневой, инженеркой и медициной – первое, чему ты быстро учишься на войне. Маскировка – это не только себя замаскируй, но и введи противника в заблуждение, дай ему понять, что вас меньше, вы слабее или же вас вообще нет. Всё, что ты делал на войне, ты делал не только для себя. Ты делал это для товарищей справа и слева от тебя. Если ты погибнешь из-за глупости, твой рубеж некому будет оборонять, значит противник здесь пройдёт. И товарищи твои погибнут из-за твоей безмозглости.

Лейтенант уже это знал. А этим? Предстояло ещё научиться.

* * *

В памяти всплыл забавный случай, который им рассказывали на кафедре инженерной подготовки в Военном институте. Подтянутый преподаватель-полковник ходил между рядами парт полевого класса и рассказывал заученные, проговоренные миллион раз одни и те же слова: «Наибольший ущерб в общевойсковом бою наносит прицельный огонь и масса, общее количество применяемого оружия. Если противником точно определены ваши силы и средства, им ясно видны начертания системы траншей, ходов сообщения, заграждений, границы минных полей и опорных пунктов, расположение сооружений и боевой техники на позиции, орудия, запасные позиции, ложные и так далее...».

Все усердно записывали то, что он говорил. Инженерные эмблемы и колодка в три ряда на кителе выше левого кармана давали понять всем, что он умудрённый опытом, знающий командир и специалист-инженер. Сухо покашливая, он продолжал: «...Основной задачей маскировки является максимальное затруднение противника в определении количества и качества личного состава, вооружения и оборонительных сооружений и тому подобное...».

Заметив на задней парте сонные глаза курсанта, он насмешливо его поднял, махнув рукой. Тот встал. Все заулыбались. Полковник спросил:

– Курсант, вам не интересно?

Тот не знал, что ответить и молчал. Вид у него был растерянный и довольно испуганный. Все вокруг ещё больше стали улыбаться. Наконец курсант выдавил:

– Я после наряда, товарищ полковник, извините...

Полковник лишь усмехнулся. Прописная истина любого курсанта первогодки: если тебя застукали спящим или ты не подготовился, как говорится, есть отмазка на все времена: «Я был в наряде...». Иногда помогало, иногда нет. Зависело от преподавателя.

Полковник-инженер был не злым служакой, но справедливым. Поэтому он спросил:

– Что я только что рассказывал про маскировку?

Первогодка скосил глаза и попытался прочесть записи, что ему показывал его сосед по парте. Полковник медленно подошёл и захлопнул тетрадку соседа, погрозив ему сухим пальцем. Весь взвод напрягся. Инженер же, вернувшись к доске, сел на край учительского стола. Обведя всех долгим взглядом, он медленно начал говорить:

– Всё, что вы здесь получите, все знания. Что почерпнёте, – это всё очень нужная база, которая совершенно не работает без ваших мозгов. Ваше оружие – это смекалка, сообразительность, прозорливость, догадливость, способность быстро понимать и разбираться в ситуации, в постоянно меняющейся череде событий, происходящих в бою. Поэтому на примере я вам расскажу, какая должна быть маскировка и что она должна представлять из себя.

Все курсанты наострили уши. Это обещало быть интересным. Любая такая история из прошлого опыта преподавателей – просто кладёшь знаний и готовых решений. Инженер, скрепив руки, что-то вспоминая, начал рассказывать:

– Давненько это было. В начале второй кампании в Чечне... Я как раз только получил инженерно-сапёрный взвод, все набранные – контрактники, все вроде не дураки, опыт имеют. Замкомвзводом у меня был Вася, здоровый поволжский парень. Срочную служил в десанте, в Афгане. Головы на две выше меня, гиревик, носил усы как у Будённого и любил всякие военные штучки на себя навешивать. Тогда контрактников только начали набирать. Это статус, это отношение... Он одевался всегда с иголки: выглаженный камуфляж «Камыш», кепи, отбитая под натовский манер, берцы-джанглы, бронежилет был чистенький, разгрузку он достал себе инженерную, ну то есть инженера-сапёра, с множеством карманов и кармашков, иногда вместо разгрузки носил «лифчик» «Чи-Ком», привезённый ещё из Афганистана. Ну и завершала эту картину бравого вояки шлем «Сфера», который он достал у штурмовиков из спецназа. Ну и я рядышком... Старый потёртый камуфляж типа «Берёзка», сапоги-кирзачи, уставной засаленный бронник и стальной шлем в чехле. Пистолет в затёртой кобуре, автомат без всяких примочек типа подствольного гранатомёта, сумка полевая – перекрашена в тёмно-зелёный с разводами. Мы тогда больше работали по дорогам, в горы не ходили, после ливней или сходов грязи в кирзачах самое то, а камуфляж – главное чтобы не промокал быстро, было в нём удобно бегать, не стеснял движения, расцветкой не выделялся.

Полковник перевёл дух и, прокручивая карандаш между пальцами, продолжил:

– Ну вот Вася меня как-то и спросил, почему я хожу в таком «говне», ведь могу себе позволить любую снарягу полка. И шлем он мне достать тоже сможет. А я ему и ответил: «Василий Саныч... вот посмотри на себя: высокий, мускулистый, всегда выбрит, на груди автомат с подствольником, разгрузка с иголки, камуфляж выглажен, на голове «Сфера», на ногах берцы, и на меня: небритый, лицо мятое, на голове «солдатская кастрюля», а не шлем, бронник засален, форма – не форма, а «комок» нестиранный, ещё и кирзачи... Как ты думаешь, если противник, например, снайпер, увидит издали нас рядом, кого он будет считать приоритетной целью, спецназовцем и командиром?»

Все громко засмеялись. Полковник, сдержав широкую улыбку, закончил:

– Маскировка – это наука, как и любой из видов обеспечения боя. И это надо понимать. Ваша смекалка – это ваше оружие...

Курсант, которого тянуло в сон, спросил:

– Разрешите? А что ваш экавэ? На вас обиделся?

Инженер, разведя руками, лишь хитро произнёс:

– Ну, немного подулся, но свой камуфляж, как и навороченную «Сферу», снял. Стал во всём уставном ходить.

* * *

Поэтому всё глупое показушничество бойцов лейтенант воспринимал только как браваду. Им ещё необходимо было прочувствовать. Бравата была не уместна там, где нужно было просто и качественно работать на поле боя.

Пройдя вдоль строя и остановившись где-то посередине, молодой офицер проговорил скороговоркой:

– Здравия желаю, мне нужно шесть человек категории С для формирования экипажей на технику. Есть желающие?

Все переглянулись, кто-то покачал головой, пара человек хотели поднять руки, но один из стоявших ближе всего спросил:

– Командир, что за техника, куда поедет? Тут так-то есть и другие категории. И трактора, и прицепы.

Офицер покачал головой:

– БТР-82А... Рабочая лошадка Министерства обороны... Четыре оси, полный привод, независимая подвеска, камазовский движок триста лошадей, V-образный, восьмицилиндровый дизель, «тридцатка» – пушка и ещё много всяких интересных «примочек»... Мне нужны люди, кого я могу быстро натаскать на вождение и их же я обучу стрельбе из пушки, чтобы экипаж был взаимозаменяем. БТР – штука хоть и не сложная, но если экипаж подготовлен и умеет как в езд, так и в стрельбу, это снимает много вопросов и проблем, повышая его живучесть.

У некоторых сразу загорелись глаза. Кто-то отрицательно покачал головой.

По итогам часового разговора были отобраны шесть крепких мужиков с приличным запасом опыта в вождении и работе на многих видах транспортных средств. Все они были земляки из одного крупного миллионника и уже перезнакомились друг с другом.

* * *

С сегодняшнего дня, с данного момента, началась подготовка техники.

Из трёх БТРов на ходу был один, двум предстояло провести капиталку (капитальный ремонт) и только после этого поставить их в строй, зарядив боекомплект и залив все масла и топливо.

Лейтенант сразу забрал четырёх человек с собой, оставив двух заниматься подготовкой рабочей машины к выезду.

Пока они шли до парка, всё больше открывалась картина трагедии, что раскинулась перед его глазами. Не десятки, а, скорее, сотни машин разной степени комплектности с разными следами боевых отметин на броне были выстроены вдоль забора парка.

Какие-то из них сгорели, но не полностью, какие-то имели рваные раны корпуса, какие-то казались целыми, но не на ходу. И со всех этих доноров снимались ещё целые и рабочие детали и устанавливались на технику, что ремонтировали тут же недалеко, а где-то и напротив.

Десятки солдат копошились на технике. Что-то постоянно жужжало, где-то сверкала сварка или осыпала всё вокруг калёными искрами болгарка.

Новенькие, ещё в солидоле, запасные детали, полученные со склада, лежали рядами на технике или у колёс БТРов.

Работа вокруг кипела...

* * *

Комвзвода нашёл майора Д... и, по привычке козырнув ему, проговорил:
– Тарищ майор, вы же сейчас за зампотеха...

Тот копался в угловатом механизме с солдатом и лишь сосредоточенно кивнул в ответ. Руки были у него в отработанном топливе, а на лице виднелись следы копоти. Заместитель по вооружению и военной технике, в простонародье – зампотех, был фигурой значимой, если не сказать важной. Важной в первую очередь для живучести полка. Всё, что ездило, стреляло, поднимало, копало, а на флоте – плавало или в авиации – летало, за всё это, чтобы оно нормально работало, отвечал один человек в части – зампотех. За организацию техосмотров и ремонт, за поддержание работоспособности и правильную эксплуатацию. За знание солдатами и офицерами правил техники безопасности при работе на технике. Это была его вотчина.

В этой вотчине за неделю надо было привести в чувство машины...

* * *

Четыре БТР-82А вырулили на шоссе и остановились у обочины.

Боекомплект и сухой паёк были закинуть в десант, бронежилеты получили не все, но кому не достались «Ратники», накинули старого образца «Черепахи» – так называемые в простонародье ББ23. Как-то в этих делах, неделя пролетела незаметно.

Лейтенант разделил пополам бойцов и натаскивал половину экипажей сначала на водителей – они постоянно гоняли технику по лесам и полям вокруг части, периодически сами выбирая непролазные маршруты, а вторую команду он загнал на изучение вооружения и сам им всё объяснял, показывал, обучал. Когда водители, уставшие, но довольные, на четвёртый день марша слезли наконец с БТРов, комвзвода поменял их местами.

Теперь те, кто были наводчиками, сели за руль, а водители пошли изучать «тридцатку».

Лейтенант хотел вымуштровать взаимозаменяемый экипаж, чтоб в бою наводчик мог сесть на место водителя и вывести технику. А водитель мог в случае чего прицельно стрелять из автоматической пушки.

Майор Д... довёл «коробочки» до ума. Заменял часть изношенных деталей, поставил навесное оборудование. На одной боевой машине расклинил пушку и привёл её к нормальному бою.

Техника вышла из-за «ленты» недавно. Броня была в выбоинах и рытвинах. Всё необходимое снимали с доноров – боевых машин, которые невозможно было восстановить. Они стояли недалеко, одинокие, с ужасными следами от недавних боёв. Прямые попадания в силовые отсеки, развороченный металл от фугасов. Лопнувшие по шву корпуса. Их не получалось ни заварить, ни стянуть как-нибудь – конструкция потеряла целостность. Если только на заводе. Но до завода было далеко.

* * *

Выстроившись в колонну друг за другом, боевые машины замерли, незаметно подрагивая от работающих на холостом ходу двигателей.

Все водители высунулись по пояс и внимательно следили за головной машиной.

Лейтенант ждал приказа на начало марша.

А «коробочки» ждали на передовой.

Через несколько минут подошёл полковник уставшего вида, с куском карты и, разложив её на броне, показал комвзводу, как ему стоит вести технику:

– Смотри, лейтенант. Вот здесь пересечёшь границу, потом на юго-запад до посёлка Новопост по этой трассе, а дальше поворот на запад за Новочёрским поселковым. Вот здесь и здесь блокпосты. От Новочерска до Братовки – по прямой.

Он стал тыкать толстым пальцем в еле заметные отметки. После чего, смахнув песок с карты, сложил её и убрал в офицерский планшет. Закурил и добавил:

– Ты не торопись. Если придёте ночью на границу, то оставайтесь там на ночёвку. В Новой Златовке. Не пересекайте «ноль» до утра. Утром идёт колонна снабжения. Чтоб не потерялись, можете с ними двигаться. А можете сами. Завтра к вечеру – прибыть в район тылового обеспечения, за городком Братовка. Там вас встретят. Ну, ни пуха...

Лейтенант козырнул и постучал по броне, сплюнув через левое плечо:

– К чёрту...

И, заскочив в командирский люк, по радиостанции передал:

– Шшш... Парни...шшш, я – «Первый». Двинули... Начать движение...

Сквозь шипение слышались далекие:

– Шшшшш... «Коробочка-два», шшшш... Приняла...

– «Третий» принял... шшшшш...

– «Закрывающий»... принял... шшшшш...

Колонна, потихоньку набирая скорость и постепенно растягиваясь, устремилась на фронт для выполнения поставленных задач.

* * *

Кровь из неглубокого пореза над бровью перестала сочиться и заливать глаза. Человек в зелёной форме зажмурился.

Пощупав рану пальцем, он стал очень медленно шевелиться. Руку неожиданно дёрнуло, и она резко заболела. Сковырнув ногтем резиновый край розового цвета, он проверил, нормально ли намотал его. Жгут перетянул рукав бушлата и саму руку, вполне был зафиксирован.

В голове стучало: «Надо шевелиться, надо двигаться, нельзя терять ни секунды, нельзя терять сознание...».

Медленно, преодолевая резкие всплески боли, перекатившись на правый бок, он уперся локтем здоровой руки о чернозём. Земля была угольно-чёрная, жирная, напитанная влагой, с вкраплениями семян и мелкой крошки сухой травы. Грязь по краям луж была похожа на отработанное машинное масло: вязкая, липкая, густая.

Тело начало ломать. Где-то по груди, по спине, потекли горячие тонкие струйки. Локоть утонул наполовину в грязи с неприятным тихим хлопанием. Перед глазами возвышались ряды неубранного подсолнечника: когда-то жёлтые яркие цветки уже почернели, высохли. Крупные, тёмно-бурые шляпки были опущены к земле. Раньше круглые, сейчас они скукожились, деформировались, семечки из некоторых осыпались под основание буро-серых стеблей.

Подсолнечник был повсюду.

Резкий звук близких выстрелов разорвал тишину. Трассера, вспоров воздух где-то над головой, срезала несколько шляпок. Те, покачнувшись, тихо упали на чернозём. Семечки рассыпались крупными жменями по жухлой траве и опавшей листве. Он пригнул голову и распластался на земле. Вокруг засвистело множество пуль. Где-то неподалёку разгорался бой, звук трескотни автоматных очередей всё усиливался.

Поискав взглядом автомат и не найдя его, боец в форме стал медленно ползти, подволакивая раненую ногу, подальше от звуков боя. В голове всё ещё пульсировала одна мысль:

«Надо двигаться... Останавливаться нельзя... Надо шевелиться... И надо вспомнить... что здесь происходит...».

Волнами накатывала дурнота. Казалось, он всего на мгновение прикрыл глаза и опять впал в забытие. Взгляд блуждал, перед лицом клубились какие-то чёрные мошки.

Последняя мысль, что пульсировала, сформировалась в голове.

В глазах что-то кольнуло. В голове всплыли образы мелькающих колёс техники, взрывы, огонь. Когда это было? Когда?.. Вспоминай.

Глава вторая

Колонна, набирая скорость, аккуратно начала движение. БТРы были массивные, больше легкового транспорта. Камазовские шины, шелестя по сырому асфальту шоссе, постепенно раскручивались. Моторы равномерно ревели, иногда выплёвывая небольшие клубы серого дыма из выхлопных. По зелёной пятнистой броне скользили лучи заходящего солнца. Наступали сумерки.

Проскочив город, вереница боевой техники стала проезжать поля, пересечённые редкими лесопосадками.

Сырой воздух бил в лицо лейтенанту, холодок медленно просачивался под бушлат, под форму, пробирая до костей даже под пластиной бронезиления.

Вскоре показался очередной населённый пункт, за которым должна была пролегать граница.

«Ленточка», «ноль», «линия», «кордон», «ниточка» – как только не называли в приграничье сами пограничники и военные ту черту, у которой кончалась земля одной страны и начиналась территория другой.

Показались пограничные столбы и мелькнувшая в отблеске фар сетка-рабица между ними.

На первый взгляд КПП пограничной службы был в запустении, но при этом чувствовалось какое-то присутствие. Присмотревшись, офицер увидел торчащую над кустами башню танка и курившего неподалёку бойца. До утра надо было где-то переночевать, но на пропускной пункт комвзвода опасался загонять технику. Противник не дремал, беспилотники постоянно крутились в воздухе, висели у горизонта. Их отгоняли, но они возвращались. Артналёты не были чем-то удивительным в тыловых районах, а ближе к фронту их вероятность возрастала. КПП был скоплением построек, служивших хорошим ориентиром.

Не доезжая метров сто, колонна свернула с дороги и въехала под деревья вплотную к посадке. До пересечения «ленточки» необходимо было дораздать боекомплект и обезболивающее.

Боевая техника стала притормаживать, колёса, мягко зашуршав по гравию, замедлили ход и замерли, пристроившись в кустах у просёлочной дороги по краю пахотного поля. Люки откинулись, и экипажи стали выпрыгивать наружу, прохаживаясь вдоль бортов, разминая ноги и потягиваясь. Водитель лейтенанта высунулся по пояс и, затянувшись, прикурил две сигареты. Одну оставил у себя в зубах, вторую протянул комвзводу. Офицер отрицательно покачал головой, пробурчав:

– Извини, Саныч... Сейчас не хочу...

Водитель пожал плечами и отдал прикуренную сигарету своему наводчику Кубе. Позывной Куба боец получил, потому что был очень похож на латиноамериканца в возрасте, довольно потрепанного, скорее, постаревшего.

Махнув рукой, комвзвода крикнул:

– Куба, вытаскивай ящики!

Ночь была непроглядная, от низин потянуло холодом. На лице и ладонях осели мелкие капли. За какие-то минуты поднялся густой туман. Достав фонарик, офицер пристроил его на броне, чтобы он светил, аккуратно рассекая темень, но не далеко. На откинутые десантные люки один за другим вытащили несколько небольших ящичков, вещевой мешок, набитый пустыми магазинами и обоймами, а также пластиковую упаковку с аптечками.

Доставая и вскрывая цинки, наводчики стали ссыпать патроны в деревянный ящик. Водители, откинув люки на силовом, проверяли масло и осматривали перегретые двигатели. Мало ли. Каждый был занят своим делом.

Горка патронов становилась всё больше. Закончив с последней упаковкой, бойцы из экипажей, собравшись в кружок, начали потихоньку заряжать магазины и убирать их в подсумки. После патронов вскрыли ящичек с гранатами.

Беря в руку рифлёную чугунную рубашку зелёного цвета, лейтенант внимательно посмотрел в лица сгрудившихся солдат и настойчиво произнёс:

– Парни, с этими штуками шутки плохи, поэтому убираем гранаты и запалы к ним – отдельно. Не вкручивая, понятно? Если надо будет, я скажу, когда стоит гранату снарядить.

Бойцы молча закивали, распихивая гранаты по карманам разгрузочных жилетов или в маленькие гранатные подсумки на поясе. Последними комвзвода раздал аптечки, предварительно выдав каждому обезболивающие в тубиках.

Теперь всё. Теперь они были готовы и снаряжены. Завтра поутру их ждал долгий марш к фронту, в самую гушу войны.

* * *

Ночью лейтенант позвонил домой.

В телефоне долго звучали гудки, потом сонный голос ответил тихо:

– Да, алё?

Лейтенант произнёс:

– Зай, привет, как твои дела?

Девушка на том конце радостно защebetала:

– Котя, привет, мой любимый, у меня всё нормально. Ты где?

Врать не хотелось. Тяжело вздохнув, офицер тихо проговорил:

– Зай, не переживай, всё нормально. Я на границе. Мы тут ненадолго.

Повисло тяжёлое молчание. Потом грустный голос с тревогой спросил:

– А что вы там делаете? Вы же ненадолго там?

Лейтенант медлил с ответом, но всё же сказал:

– Я технику погнал, завтра передам её, и обратно. Мы заночевали на Большой земле. Ты не переживай, хорошо?

Даже через динамик телефона чувствовалась густота печали, которая повисла между ними. Наконец почти шёпотом женский голос ответил:

– Как не переживать... Обещай мне, что всё будет хорошо? Обещай...

Комвзвода кивнул:

– Конечно, малыш. Обещаю. Ложись спать. Я люблю тебя...

– И я тебя, – прозвучал ответ. В динамике что-то пискнуло и наступила тишина.

* * *

Откинув десантный люк, лейтенант вдохнул сырой свежий воздух и аккуратно вылез наружу.

Цепочка БТРов, заехав в кусты, была почти не видна из-за мелкой поросли. С другой стороны тянулись деревья, также прикрывавшие борта на всякий случай.

Ночь сгустилась вокруг корпусов боевых машин. От земли начало парить, уже поднималась лёгкая дымка марева. Земля остывала.

Где-то вдалеке, еле уловимо, гремела тяжёлая канонада. Ветер доносил звуки раскатов выстрелов орудий. На Западе, куда они двигались, которую неделю шли затяжные бои.

В небе послышался еле уловимый звук турбин реактивных самолётов.

Комвзвода поднял взгляд в синевато-чёрное небо, где меж тяжёлых нависших туч горели цепочки звёздочек. Какие-то две небольшие тени, мелькнув, перекрыли их. Звук реактивных двигателей стал удаляться куда-то в сторону канонады.

Бойцы разожгли небольшой костерок в яме и разогревали консервы на языках пламени. Рядом на палочке висел котелок с водой для чая.

Иногда через край жестяной банки выливались-выплескивались струйки сока. Стекая по стенкам консервной баночки подтёками, жир вспыхивал, освещая на мгновение лица собравшихся вокруг людей.

Взгляды были сосредоточены, брови у многих сведены. В глазах плясали огоньки, наполняя пустые глаза какой-то загадочностью и еле уловимой злобой. Лейтенант подумал: может, это ему показалось? Пламя отражалось от чёрных значков, его взгляд выглядел так же.

Протянув руки, бойцы расхватили баночки и стали уплетать содержимое, тихо переговариваясь. Кто-то закурил, к дыму прибавился терпкий запах табака.

* * *

Куба сидел на скосе башни и тихо напевал:

– Братан, привет,
Вернёшься скоро или нет?
Встречаешь в Сирии рассвет,
Взял словно волк шакалов след.
И много лет...

Офицер распределил ночные смены для охраны, Куба заступил первым. Махнув ему, лейтенант проговорил:

– Я на КПП сгоняю, посмотрю, что там, уточню, как завтра будем проходить. За бойцами следи, пусть ложатся спать, подъём будет ранний.

В ответ боец только кивнул, продолжая что-то напевать:

– Ты подставляешь свой жилет,
Считая свой боекомплект,
Уничтожаешь ада чёрный свет.
Братан, привет,
У нас над городом рассвет...

Выйдя на асфальт, комвзвода поправил автомат и неторопливо пошёл в сторону торчащего из кустов башни танка.

Не доходя до него метров пять, его окликнули:

– Стой, кто идёт.

Голос был совершенно уставший, измотанный, всё сказанное было озвучено формально. Лейтенант, замедлив шаг, ответил:

– Я из колонны бэтээров. Мне нужен старший на контрольно-пропускном пункте.

Ветки затрещали, и из-за корпуса вышел танкист в чёрной форме. В ночной тьме выделялось его светлое лицо. Подкуриив сигарету, он выпустил струйку дыма и, махнув рукой в сторону одной из построек, сказал:

– Смотри, командир, вот там горит огонёк, окошко. Идешь туда, спроси капитана. С позывным... – Танкист задумался и, помедлив, произнёс: – С позывным, как его... Узбек,

кажется. Да, кстати, найдёшь его, передай, чтобы внёс нас в очередь на заправку. Танчик скоро нельзя завести будет.

Комвзвода кивнул и пошёл в сторону одинокого, еле мерцавшего квадратного оконного проёма.

Вся территория контрольно-пропускного пункта была окутана тьмой. Прожектора не горели. На фоне полей, окружавших скопление построек, сами коробки зданий чернели более насыщенно, плотно.

По пути его ещё раз остановили, но уже патруль и, узнав причину прибытия, проводили до места.

Вблизи тусклый прямоугольник, к которому топал офицер, оказался плохо заклеенным стеклопакетом панорамных окон во весь рост. Посередине была дверь, обложенная с двух сторон мешками с песком таким образом, что получился коридор, ведущий к дверному проёму.

Толкнув пластиковую дверь, лейтенант зашёл в помещение и зажмурился.

Слабый дневной свет ударил в глаза. Постепенно привыкнув, он огляделся.

Это был стандартный зал таможенной службы. Вполне большой, с турникетами и множеством лавочек по краям у стен. Сами стены украшали большие баннеры с правилами заполнения пограничных документов и деклараций, схемы эвакуации помещений и таблички с эмблемами и гербами Таможенной и Пограничной службы. Все окна были заложены мешками с песком и вдобавок заклеены кусками картона. Внутри было светло, а наружу пробивались только лучи из плохо проклеенных щелей. Светомаскировка. Необходимая на войне вещь. Любой беспилотник или коптер давно бы нашёл скопления людей и техники, которые освещались бы из горящих окон ночных зданий.

А так не получится. Чёрные, кажущиеся безжизненными пустые коробки построек – вот что увидит воздушная разведка.

В помещении, как и везде, где останавливались военнослужащие, было накурено. Дым поднимался от сигарет и скручивался в спирали под потолком, образуя еле заметные кольца вокруг ламп дневного света.

На нескольких раскладушках, расположенных в глубине зала рядами, лежали бойцы. Кто-то спал, кто-то читал книги. Пара человек пила что-то из эмалированных кружек, наблюдая, как в трёх метрах от них шумная компания играет в шахматы. У большинства под головой вместо подушек были рюкзаки или закрученные спальные, в ногах лежали бронежилеты. У каждого под рукой или за спиной висел автомат. Тихо, на грани слышимости играла музыка, какая-то знакомая песня. Кажется, Цой.

– ...Одеялом лоскутным на ней
Город в дорожной петле.
А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом жёлтый дым,
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом
Звезды по имени Солнце...

В углу помещения за письменным столом сидел ссутулившийся человек с еле заметными восточными чертами и что-то писал в толстый журнал. На погонах блестели четыре звёздочки, на правом предплечье формы, висела нашивка чёрного цвета с двумя буквами посередине: «В/П» – военная полиция.

Подойдя к капитану, комвзвода, приложил ладонь к виску, поздоровался и спросил:

– Здрав желаю. Мне нужен Узбек, где я могу его найти...

Капитан поднял осунувшееся лицо с мешками под глазами, ответил с хрипотцой в голосе:
– Здоров, коль не шутишь. Ну, я, допустим, Узбек.

Указав на стул, продолжил:

– Садись лейтенант. Ты от колонны БТРов?

Комвзвода закивал и, присев, проговорил:

– Да, так точно, тарищ капитан...

Махнув рукой, Узбек подозвал кого-то со словами:

– Дежурный, чаю сюда, с печеньем, – и, повернув голову, проронил. – Давай без формальностей, лейтенант. Расслабься, ты здесь не при штабе. По струнке ходить не заставляю. Чего хотел?

На столе появилась кружка с дымящимся чаем, тарелочка с печеньем. Боец, что это принёс, козырнул и куда-то заспешил.

Подвинув стакан к лейтенанту, капитан выжидающе молчал.

Песня сменилась. Комвзвода стал медленно потягивать крепкий бурый чай, прислушиваться. Эту группу он не знал:

– ... Вам может быть одна из падающих звёзд,
Может быть для вас, прочь от этих слёз,
От жизни над землёй принесёт наш поцелуй домой.
И может на крови вырастет тот дом,
Чистый для любви... Может быть потом
Наших падших душ не коснётся больше зло...

Дежурный, маячивший за спиной капитана, крикнул кому-то:

– Переключи, хватит нагонять тоску. Давай что-то другое.

Музыка прервалась, послышались недовольные возгласы. Через несколько секунд заиграла новая песня:

– Я шёл вперёд каждый миг. Мне казалось: не зря.
Я свой маршрут размечал чередой побед.
Но с каждым шагом всё дальше был сам от себя,
И вот, похоже, назад пути нет...

Лейтенант задумался. В голове этот мотив стал чем-то знакомым. Очень понятным. Явно близким к состоянию, в котором находился лейтенант.

– ... Что это, явь или сон? Всё не то и не так.
Во тьме бездонной мои изменились черты.
Но вдруг иначе нельзя? И я спустился во мрак
Узнать себя здесь, на краю пустоты?
Шаг в темноту —
За горизонты бытия – путь во тьму,
Где плещет вечный океан. Я умру
Для мира времени. Уйду
В пустоту...

Автор этой песни знал, про что поёт. Голос был тяжелый, даже сердитый. Он играл на струнах души. Песня цепляла.

Неожиданно хриплый голос капитана вырвал комвзвода из раздумья:

– Лейтенант, ты музончик пришёл слушать? Говори, что хотел.

Поставив стакан с недопитым чаем, молодой офицер скороговоркой проговорил:

– Кэп, есть пара вопросов. Мы завтра каким порядком пересекаем ленточку?

Подцепив ногтем за край фильтра сигарету, Узбек прикурил и задумчиво выпустил струю дыма в потолок:

– Ну, процедура стандартная: перепишем номера техники, фамилии личного состава, цель убытия, проверим, доложим... Короче ничего необычного. Первый раз?

Комвзвода смущённо кивнул. Капитан продолжил, пожав плечами:

– Ты не стесняйся, спрашивай и не переживай.

Отпив ещё глоток, лейтенант тихо спросил:

– Как там?

Затянувшись, причмокнув, Узбек прищурился. Рассматривая свои ладони, он медленно начал рассказывать:

– Первое, не спеши. Проверяй технику перед каждым выездом, двигаясь в колонне, не теряй машины. Они должны быть постоянно рядом, в пределах видимости. Потеряешь единицу – будет не очень... Второе, узнай у бойцов, что они знают по медицине. Умеют ли пользоваться жгутом и перевязывающими средствами... Третье, весь боекомплект раздай.

– Сделал, – поддакнул лейтенант.

Одобрительно кивая, капитан стал бубнить дальше:

– На одном из БТРов назначь наблюдателя, пусть вертит башней, выцеливает воздушные цели. Сейчас беспилотники активизировались, постоянно висят в тылах и над передовой. И наши, и ихние. Я не думаю, что твой наводчик настолько крут, что с первой очереди приземлит «птичку», но шугануть шуганет. Так... Что ещё...

Перебирая, постукивая пальцами одной руки по столешнице, второй он подпёр подбородок. Сигарета качнулась в губах, серый пепел осыпался и упал на форменный рукав. Заметив это, капитан смахнул его на пол со словами:

– По обстановке... Пока всё более-менее. Недавно нам дали по зубам, слышал, наверное. Но линия фронта стабилизировалась. Сейчас идут качели. Километр – сюда, километр – туда... Мы укрепляемся. Мобилизованные прибывают, постепенно вводят их в курс дела. Есть, конечно, проволочки, но это всё решаемо. Вот...

С этими словами он достал из-под стола какую-то газету. Пробежав глазами по строчкам, лейтенант прочёл:

«...Артиллерия, воздушная разведка работают над обнаружением, сковыванием и уничтожением противника на севере Народных республик. Там подразделения противника группируются для возможного удара на линии Сва... – Кре..., – передаёт военкор с места событий. – В данное время противник группирует и перебрасывает лёгкую технику и резервы личного состава к позициям западнее реки Оск... Наши подразделения и части, отойдя на более выгодные рубежи, организуют глубокоэшелонированную оборону...».

– Свежая... Газете – день, сам всё видишь. – Затувив остаток сигареты, произнёс капитан и добавил:

– Скажу своё мнение. Скорее всего, наступление ВСУ прекратилось. Сейчас они будут диверсантами тревожить, да артой крыть. Их возможности не безграничны. Вот такие дела.

* * *

Они просидели ещё около часа, обсудив последние новости и выпив по стакану кофе. Узбек, оказывается, знал командира батальона курсантов, в котором учился будущий комвзвода. Только он переживал капитаном второй срок, а комбат перед его выпуском получил подполковника. Такая жизнь военная.

Пожав руки, оба отправились спать, каждый к своим. Завалившись на крайнюю раскладушку, сняв только берцы, капитан вскоре захрапел. А лейтенант, открыв дверь, шагнул в темноту. В лицо задул холодный, промозглый ветер, а в спину ударили слова очередной песни:

– ... Не дочистил автомат товарищ майор.
Мы закурили и такой-то получился разговор.
Кто-то с бабами в тепле, ну а кто-то на войне
Одни головы кладут, а другие водку пьют...

Дверь закрылась, оборвав тихо игравшую музыку.

Глава третья

Тыловой лагерь технического обеспечения представлял из себя множество машин, загнанных в чащу леса, где над ними трудился техсостав подразделений обеспечения.

Весь марш занял всего пол дня. Покинув КПП погранцов рано утром, четыре «коробочки» пристроились в конце длинной колонны тыловой техники.

Множество КАМАЗов и Уралов со снарядами, несколько топливозаправщиков и пара «Тигров» чуть скинув скорость промчались без остановки через шлагбаум. Колонна торопилась, явно где-то нахватало боеприпасов.

Сворачивая с дороги на опушку, четыре БТРа упёрлись в такой же полусгоревший бронетранспортёр, который явно сюда притащили недавно. Борта и десантное отделение облепили несколько технарей, орудовавших гаечными ключами и другим инструментарием. В стоявшие неподалеку ящики летели только что открученные части и детали. Движок уменьшался буквально на глазах: патрубки, ремни ГРМ, шестерни, бачки, болты, пробки, радиаторная сетка – всё это снималось почти моментально. Машина явно настолько сильно была повреждена, что стала донором для другой, менее повреждённой техники.

На броне виднелись сколы, царапины и рваные отверстия с подтёками застывшей стали по краям. На башенке стоял старенький радиоприёмничек, из которого играла незамысловатая музыка. Сами технари были будто измазаны толстым слоем дёгтя и присыпанные сверху песком. Форма и костюмы-технички лоснились от коричневых и чёрных блестящих пятен, покрывавших их с ног до головы. Шуточки и остроты так и сыпались.

Из динамика радио звучали гитарные записи, здесь была своя атмосфера:

– ...В направлении ветра развевается хвост,
Строго на солнце запылен нос.
Бодрость не теряя, несмотря на факт,
Что живём в России бесконечный лайфхак.
Говорила мать Емеле, ворча:
«Всё ловит шуку – получает леща».
Скатерть-самобранка, дай, что хочу —
Самогона банку и хлеба к борщу.
Как-то так, ребята... как-то так...

Лейтенант вылез из люка и позвал одного из технарей:

– Парни, это пункт техобслуживания N-ского полка?

Вытирая руки, к борту подошёл высокий, но какой-то одутловатый прапорщик в старом, почти вытертом до дыр танковом костюме, одетом на свитер. В каждой поре его мясистого носа и щеках засели крупинки грязи, а вокруг рта на складках залегли разводы от машинного масла. Единственным чистым местом на лице оставались глаза, которые, щурясь, изучающе рассматривали комвзвода. И зубы. Улыбнувшись, технарь обнажил ровные ряды белых зубов, которые странно выделялись на закопчённом лице:

– Ну, есть такое. Чего хотели?

Комвзвода соскочил на землю и, не обращая внимания на грязные замасленные ладони, пожав руку прапорщику, произнёс:

– Мы – пополнение, четыре машины, на позиции полка. На границе и на инструктаже. Сказали сначала к вам.

Послышался далёкий свистящий звук. Офицер, втянув голову, присел, а технарь, всё так же улыбаясь, даже и не думая пригнуться, отметил:

– Недолёт, не шугайся, лейтенант. Это одиночный, далёкий, причем наш. Арта иногда кидает снаряды в белый свет как в копеечку. Нам тут, кроме «Точки» или другой ракеты от ворожины, бояться нечего. Мы в километрах двадцати в тылу. Загоняй свою тачку вон туда, под деревья. Там тебе скажут, что делать... Обьезжайте справа... Будем знакомы? Я – Саня, позывной – «Чужой»... Я скоро подойду до тебя, но будешь искать, по позывному спрашивай. Тебя, кстати, как?

Прозвучал взрыв где-то вдалеке.

Комвзвода кивнул и задумался. Позывной он себе ещё не придумывал. Да и не хотелось ничего вычурного. Покопавшись в памяти, он вспомнил, что на учениях, на четвёртом курсе, ему назначили позывной Филин: слишком умничал на лекциях. Преподаватели над ним решили подшутить. Как сказал начальник кафедры огневой подготовки: «Филин – птица гордая и умная, но иногда дурная. Так что не зазнавайся...».

Лейтенант ответил:

– Филин. Пусть будет Фил...

Чужой, повернувшись, пошёл обратно к донору и через плечо кинул:

– Ну, давай, птица, загоняй свои «коробочки» и побыстрее, нечего здесь маячить на открытой опушке...

Пока они разговаривали, песня проиграла и началась новая:

...Сегодня так солнечно,
Тонкая наледь осыпалась с танка.
Машина заправлена,
Боекомплект был загружен с утра.
Что до экипажа – у нас на всех
Всего одна фляжка...
Пускай и не много,
Но как выручает она иногда!
Чёрный дым повалил из трубы,
Мы оставили гусениц след
И хлопками оваций встречает нас фронт,
А хотелось бы встретить рассвет...

Махнув рукой, он пошёл пешком выбирать место. БТР на первой передаче очень неторопливо двинулись за ним.

Пока он выбирал места под деревьями, стараясь расположить технику, чтобы её не было видно с воздуха, перебирал в голове всё прошедшее утро.

От границы они доехали все таки быстро, на часах было уже обеденное время. Саму ленточку проскочили за колонной, как и обещал капитан военной полиции – моментально.

По всему пути, вдоль дороги попадалась места боев, с подбитой техникой, стоявшей по обочинам уже не первый год. Во многих местах почерневшая от дождя и туманов, с изъеденными листами брони. Несколько городков и пара блокпостов, вот и все что их небольшой отрядик пересек.

Вокруг витал запах войны, запах сторовшего масла, жжёной резины, выхлопных газов, металла и пороха. Поля были не убраны, везде зияли воронки и обугленные пеньки от сторовших лесополос. БТРы, БМП, танки, обожжённые остовы грузовиков и более мелкий транспорт появлялись то одиночно, то небольшими группами. Некоторые уже покрылись толстым слоем ярко-бурой ржавчины, под иными были небольшие кучки иссиня-антрацитовый крошки и пепла, оставшегося от резиновых колёс, попавших под воздействие высоких температур.

Если присмотреться, можно было заметить личные вещи экипажей техники: порванные или обгоревшие рюкзаки, оплавленные спальники, обрывки формы, куски кевлара и гильзы.

На местах боёв было много гильз, они засыпали всё вокруг остовов и проржавевших корпусов. Гильзы всевозможных размеров: большие с ладонь, блекло блестящие на редких лучах осеннего солнца от автоматической пушки-тридцатки, медно-алюминиевые колбочки, поменьше – пулемётные и автоматные, покрытые зелёным лаком, с бороздками и вмятинами от прихвата затвором, совсем незаметные кольца, оставленные после метания гранат. Среди гильз, словно ползущие змеи, валялись чёрные промасленные куски лент под патрон 7.62 и смятые, деформированные пулемётные короба. Разбитые остатки корпусов радиостанций и пробитые пластины бронежилетов. Какие-то обрывки листов и документов. Крови не было видно, кровь смыли осенние дожди. А всё более или менее ценное затрофеили бойцы или утащили редкие в этих краях гражданские.

Сейчас уже было не понятно, чья эта техника, чьи вещи, чьи дырявые бронежилеты и обгоревшие рюкзаки с пробитыми кевларовыми шлемами валяются вдоль дорог и вокруг сгоревших скелетов техники. Они выцвели, слой пыли и грязи въелся, от дождей и влаги материал стал гнить, железо корродировало, порыжело.

Природа умирала. В городках и посёлках остался ещё хоть какой-то цвет: листья на деревьях покраснели и пожелтели, трава пожухла. Но чем ближе был фронт, тем меньше было цветов. Все становилось серое или тёмно-коричневое. Таким же было матово-серое небо с редкими облаками. Во многих местах на горизонте и вблизи по посадкам чадил дым. Тяжёлый, вонючий, плотный и объёмный, словно сфотографированный с наложением зернистого фильтра. Эти столбы дыма иногда прибывал дождь или разрывали сильные порывы ветра. Но то, что порождало смог, продолжало гореть, и вскоре дым опять собирался в плотные клубы.

В больших населенных пунктах еле тлела жизнь, в хуторах и деревеньках её вообще не было. Людей оттуда выгнали бои. Маленькие поселки были больше разрушены, чем крупные, во многих из них не осталось ни одного целого дома, хотя в некоторых всё же уцелело по одной – две постройки. Горы битого кирпича, дыры в стенах, пробитые крыши, заваленные столбы ЛЭП и обесточенные районы.

Дома и сараи окружали прерывистыми линиями неглубоких траншей, среди которых над землёй, совсем чуть, возвышались бетонные колпаки обгоревших или разбитых ДОТов. Среди них, особенно после дождя, поблескивая на тусклом осеннем солнце, виднелись мотки скрученной, запутанной колючей проволоки. На дне окопов всё те же россыпи гильз. Реже вокруг домов торчали таблички с надписью «Осторожно, мины». Сапёры до этих мест ещё не добрались.

Чем ближе был фронт, тем больше было воронок. Некоторые воронки покрывали поля словно рытвины на лице после тяжёлой формы оспы. Окружности вспученной земли лежали плотно друг к другу, края соседних воронок срастались, осыпались, образуя цепочки, похожие со стороны на гроздь винограда. Дно этих рубцов на теле природы потихоньку заполняла вода, смешанная с землёй, образуя непролазные грязевые болотца.

Звуков не было, кроме шума моторов, шелеста дождя и постоянной канонады где-то за горизонтом, которая неумолимо приближалась.

Всё это сильно навевало уныние и тоску.

Тем более лейтенант был очень удивлён, когда в пункте техпомощи застал такое оживление и активность бойцов из техсостава.

* * *

Жизнь тут кипела.

При ближайшем рассмотрении оказалось, лесочек кишел технарями и обеспеченцами. Одни копали новые траншеи и блиндажи, другие занимались техникой, третьи перебирали и вели учёт деталей. Везде сновали бойцы в сальных, чумазных комбезах и застиранных бушлатах. Скрежет от ударов металла об металл, иногда прорывались задорные матюки сквозь звук ветра и начавшегося ливня. Даже в условиях непогоды никто не прекращал работы: вся техника на ремонте и места для обслуживания были под тентами, заботливо замаскированными сверху ветками и травой. С автоматами были только бойцы из боевого охранения, пара патрулей, что вышагивали по дуге, обходя периметр. Со скучающим видом они покуривали. Изредка встречаясь с кем-то из техников и перекидываясь с ними парой слов, расходились дальше по маршрутам, иногда что-то отвечая в шипящие радиостанции.

Загнав последнюю машину, лейтенант огляделся, и его тут же окликнули:

– Фил!

К нему спешили Чужой и ещё какой-то офицер, одетый более аккуратно, при оружии и в бронежилете.

Отдуваясь, прапорщик подошёл первым и представил офицера:

– Это зампотех батальона, капитан Ч., ему передадут твоих ласточек. Сейчас нужен полный расклад по заправке, маслам и боекомплекту на машинах. Всё, что есть, озвучь и вызывай сюда своих рулевых.

Через пять минут около комвзвода стояли все четверо водителей с обрывками бумажек в руках, на которых были записаны показания одометра с данными пробега, остаток топлива в баках, вопросы по техсостоянию и ещё всякие мелочи.

Филин сразу, как встали машины, погнал водителей смотреть расход масла и топлива, проверять жидкость в системе охлаждения и на всякий случай наличие течей в патрубках и бочках. Большие пробеги, марши на технике давали сильную нагрузку на двигатель, трансмиссию, раздаточные коробки, узлы и агрегаты. Нередко в конце таких маршей, проблем по части прибавлялось. Мелкие поломки могли не замечаться, что приводило к накопительному эффекту и, в конце концов, к большим неисправностям. Из-за дырочки в трубках охлаждения перегревался двигатель, который мог поймать клин из-за недостатка масла, могло начаться масляное голодание, полететь трансмиссия, заклинить передача. Казалось, БТР – надёжная боевая машина, которая была сконструирована с учётом всевозможных неожиданностей и с высоким уровнем живучести. Бронетранспортёр для своих задач имел неплохую броню, вполне серьёзное вооружение и проходимость, при всей простоте эксплуатации. Но и эта простота нуждалась в уходе и постоянном контроле за нормальной работой силовых систем и блока вооружения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.